

Очевидно, он узнал эту статую, а точнее — прототип, с которого она была создана.

Затем Цзин Цичэнь легким движением руки сделал так, что статуя внезапно исчезла, не оставив ни малейшего следа.

— Это нечто недоброе, — внезапно произнес Цзин Цичэнь, и в его глазах вспыхнула непонятная презрительность.

Янь Сюй не удержался и спросил:

— Это оборотень?

Цзин Цичэнь не стал скрывать и кивнул:

— Да.

Теперь, если считать и этот случай, это уже третий оборотень, которого Янь Сюй встретил в своей жизни. Он не ожидал, что оборотни будут появляться так часто, ведь раньше он никогда их не видел.

А за этот короткий год он встретил существ, которых обычные люди не видят за всю свою жизнь.

— Это злой оборотень? — снова спросил Янь Сюй.

Цзин Цичэнь снова не стал скрывать, и в темноте дома с привидениями его голос был тихим и мягким, но Янь Сюй слышал его отчетливо.

— Его прототип — девятихвостый лис, которого я запечатал. Он питался человеческой плотью, поглощая жизненную энергию людей для своей практики. Более того, он пожирал и своих сородичей.

Еще тысячи лет назад он впал в одержимость, и скорость его практики в таком состоянии была намного выше обычной. Хотя его основа была нестабильной, само преимущество времени заставляло многих оборотней стремиться к этому.

Цзин Цичэнь говорил, и его мысли уносились в прошлое, но он быстро очнулся.

— Не все оборотни такие, как Хуан Чжиань и Сюй Синь. Они уже ассимилировались в человеческом обществе, их мышление и поведение практически не отличаются от человеческих. Но есть и такие, кто всегда оставался вдали от мира людей, практикуясь в глухих лесах. Некоторые из них не вмешиваются в мирские дела, а другие, как только появляются, начинают сеять зло.

Янь Сюй не совсем понял, но уловил суть слов Цзин Цичэня:

— Значит, этот лис — один из самых злобных оборотней?

— Но тебе не о чем беспокоиться, он не сможет тебе навредить, — Цзин Цичэнь естественным движением погладил голову Янь Сюя, как обычно гладил Дань-Даня.

А Дань-Дань, держа за руку Сяо Дуньэра, наблюдал за двумя взрослыми. Сяо Дуньэр ничего не понимал, он грыз ногти и смотрел на Дань-Даня, думая, что тот тоже ничего не знает.

Но, к сожалению, Дань-Дань все понимал.

Однако выражение его лица оставалось прежним, все таким же невинным и наивным.

— Я буду защищать папу, — уверенно пообещал Дань-Дань, похлопывая себя по груди, как настоящий мужчина.

Глядя на своего сына, Янь Сюй почувствовал огромную гордость.

Он никогда раньше не имел дела с детьми и даже не особо их любил, но с тех пор, как у него появился Дань-Дань, он старался научиться быть родителем, отцом и достойным опекуном.

И Дань-Дань, как он и надеялся, не стал плохим оборотнем.

Уже в таком юном возрасте у него появилось чувство ответственности, и он научился защищать других.

— Но почему здесь появилась статуя этого лиса? — с недоумением спросил Янь Сюй.

Цзин Цичэнь терпеливо объяснил, его лицо оставалось холодным:

— Вероятно, это напоминание мне о чем-то.

— О том, что он вернулся и готов снова сразиться со мной.

Однако на лице Цзин Цичэня не было ни тени беспокойства. Он точно знал, что даже если этот лис вернется в своей лучшей форме, он не сможет стать его соперником.

Ведь разница между оборотнем и божественным зверем была очевидной.

Как бы этот лис ни старался, он не мог избавиться от врожденных недостатков. Феникс был божественным зверем не просто так.

Как символ удачи, большинство оборотней, практикующих злые пути, при виде феникса теряли силы и не могли пошевелиться.

Но этот лис действительно обладал способностями, иначе он не смог бы сразиться с Цзин Цичэнем тысячи лет назад.

Янь Сюй вздохнул. Честно говоря, он не хотел вмешиваться в разногласия между оборотнями. Ведь он был обычным человеком, жил обычной жизнью и хотел так же обыкновенно прожить свою жизнь.

Но он снова начал беспокоиться за Цзин Цичэня.

Лицо Янь Сюя выражало тревогу, и он спросил:

— А ты не страдаешь от него?

Цзин Цичэнь усмехнулся и, погладив голову Янь Сюя, ответил:

— Не волнуйся, у меня есть свои методы.

Хотя они оба были взрослыми, Цзин Цичэнь все равно любил гладить его по голове. Что это за привычка такая?

Но Янь Сюй не стал говорить об этом, ведь для него сейчас было важно стать немного ближе к Цзин Цичэню.

Иногда люди говорят, что неразделенная любовь — самая мучительная вещь на свете, особенно если ее нельзя высказать. Но Янь Сюй так не считал. Он думал, что пока он рядом с Цзин Цичэнем, пока они вместе с Дань-Данем и Сяо Дуньэр, говорить о своих чувствах уже не так важно.

Этот мир не всегда дает то, о чем ты мечтаешь. Большинство людей проживают свою жизнь, постоянно идя на компромиссы.

Раньше Янь Сюй чувствовал себя так, будто блуждал в темной пещере, не видя ни малейшего света, не находя пути к выходу. Но потом появился Дань-Дань, а за ним и Цзин Цичэнь, и Сяо Дуньэр стал частью его семьи.

Янь Сюй был благодарен. Он не знал, что привело Дань-Даня к нему, но именно благодаря ему его жизнь обрела краски. Он благодарен той силе, которая привела Дань-Даня к нему, и загадочной судьбе.

— Пойдем, скоро выйдем, — сказал Цзин Цичэнь и, взяв Янь Сюя за руку, пошел вперед.

Дань-Дань шепнул на ухо Сяо Дуньэру:

— Смотри, папа и дядя тоже держатся за руки, как мы.

Сяо Дуньэр кивнул и тоже шепотом ответил:

— Мой папа и мама тоже раньше держались за руки.

Тогда Дань-Дань спросил:

— А ты думаешь, дядя Цзин может стать моей мамой?

Сяо Дуньэр задумался, а потом с удивлением сказал:

— Но дядя — мужчина, мужчины не могут быть мамами.

Дань-Дань не понял, он широко раскрыл глаза и, не моргая, смотрел на Сяо Дуньэра:

— Почему не могут?

Сяо Дуньэр тоже не совсем понимал, он тихо сказал:

— Потому что мамы могут рожать братиков и сестричек, а дяди — нет.

Дань-Дань облегченно вздохнул:

— Тогда я не хочу братиков и сестричек, значит, дядя может быть мамой.

Маленький Сяо Дуньэр, не слишком сообразительный, был озадачен логикой Дань-Даня. Он подумал и серьезно сказал:

— Ну, наверное, ты прав.

— Но мама и папа должны любить друг друга, чтобы быть вместе, — наконец уловил суть Сяо Дуньэр.

— А как это — любить друг друга? — осторожно спросил Дань-Дань, боясь, что дядя и папа услышат их разговор.

— Нужно целоваться и спать в одной кровати, — сказал Сяо Дуньэр, ведь его знания на этом и заканчивались.

Но в голове Дань-Даня уже созрел план.

Будучи еще яйцом, он посмотрел множество фильмов про любовь. Он был очень умным.

Когда они вышли из дома с привидениями, Янь Сюй почувствовал себя лучше. Солнечный свет озарил его, принося тепло, но также и легкую грусть. Ведь теперь, выйдя из дома с привидениями, у него больше не было причины держать Цзин Цичэня за руку.

Но Цзин Цичэнь не отпустил его руку, будто забыл об этом.

Прохожие смотрели на них, на их соединенные руки, и шептались между собой.

Янь Сюй только тогда осознал это и поспешно отпустил руку Цзин Цичэня.

Его беспокоило не то, что подумают окружающие, а то, что их слова могут заставить Цзин Цичэня заметить его скрытые чувства.

Когда любимый человек рядом, но ты не можешь даже сказать ему о своих чувствах, это не самое приятное ощущение.

Хуан Чжиань и Сюй Синь, которые шли позади них, уже стояли снаружи, смеясь и держа в руках мороженое. Увидев, что четверо вышли, Сюй Синь раздал им мороженое.

<http://bllate.org/book/15574/1386926>